

ника, электрооборудование, автоматические системы и т. д.), создано много коммерческих и промышленных фирм (производство мебели, сушка древесины, выпуск брикетов из отходов древесины и др.).

Регулярно проводятся совместные (белорусские и германские институты, компании, фирмы, министерства) семинары, симпозиумы, конференции, круглые столы и т. д.) по проблемам энергосбережения. В качестве примера можно назвать разработанный таким образом "Демонстрационный проект по энергосберегающим мероприятиям в жилищном и строительном секторах Республики Беларусь", принятый в рамках программы "Тасис" Европейского Союза по инициативе немецкой компании "Консалт-Тим".

Можно выразить уверенность, что достижения науки и техники в области энергетики, международное сотрудничество в реализации энергосберегающих технологий, использовании совершенной традиционной технологии энергопроизводства и энергопотребления и особенно расширение альтернативных энергоисточников, полученных как в Германии, так и в Беларуси и других странах, в скором времени приведут к смягчению энергетических проблем.

При подготовке настоящей статьи авторами использованы информационные бюллетени «Возобновляемая энергия»; реферативные сборники «Экономия энергии», журналы «Германия-политика, культура, экономика, наука», «Энергоэффективность»; рекламные публикации разных предприятий и фирм.

Милова Т. Ф. (г. Минск, Ин-т философии НАН Беларуси)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В настоящее время в Германии, как, впрочем, во всех западных странах, доминируют представления, в соответствии с которыми либерализм – сущность современной действительности общественной жизни и, соответственно, нет никакой нужды разбираться в нём теоретически. Более того, совершенно бессмысленно сомневаться в его силе и жизнеспособности. Безусловно, либерализм является одним из главных оснований и источников достижений и преимуществ развитых стран. Это – несомненно. Однако либеральная идея, подобно свободе, подобно большинству экзистенциальных сущностей, имеет принципиально неустойчивую, динамическую природу: она не существует в длительности, она создается и воссоздается миллионами действий, индивидуальных и общих, идеальных и материальных, целенаправленных и обыденно-привычных. Осознание либеральных идей и процессов, нечто вроде либерального просвещения на самом деле необходимо для поддержки сознательного и упорядоченного характера этой деятельности. Общество, западное в первую очередь, нуждается в том, чтобы либеральные ценности и либеральные ориентации воспринимались глубоко осознанно. В позиции, подразумевающей, что на Западе с либерализмом все в порядке, кроется вполне определённая угроза. Идеология существует только в развитии, в эволюции; остановка означает для неё деградацию. Что в самом деле бессмысленно, так это вера в то, что либеральные основания нынешних достижений безусловно обеспечивают и завтрашний успех в деле общественного прогресса. Такой прямой и простой зависимости не может быть, поскольку либеральные принципы должны действовать в новых, изменившихся обстоятельствах и в отношении вновь сформировавшихся проблем. Поэтому ключевая задача в оценке перспектив либерализма в ближайшем будущем состоит в том, чтобы определить вызовы, потребности этих новых обстоятельств и выяснить, что же либерализм может предложить в качестве ответа на эти вызовы.

Эпоха, в которую либеральная идеология эволюционировала и устоялась в качестве основания социальной и политической природы — чем далее, тем все более неосознаваемого основания — современного западного мира, закончилась. Новая эпоха, отмеченная отчётливыми чертами глобализации, обращает ко всем влиятельным идеологиям принципиально новые требования, связанные с переоценкой базовых ценностных ориентаций, соревнованием и прямым противостоянием со странами Третьего мира, с поиском новых или преобразованных источников развития. В этих новых обстоятельствах ведущие позиции принадлежат либеральным ценностям: личной свободе и автономии, человеческой индивидуальности, многообразной социальной активности, политической демократии и правам человека, экономической конкуренции и ненасилию. Здесь коренится причина сегодняшнего усиления роли либеральных принципов в мире и, следовательно, существенное основание для формирования нового качества либеральной идеологии (как в отношении содержания, так и по форме) и её новой общественной позиции.

Несмотря на то, что глобализация уже очевидно стала частью реальности, так и нет согласия в понимании её природы и содержания. Наименьший разброс наблюдается в мнениях об экономических процессах: здесь глобализация означает возникновение определенных каналов для прямого глобального влияния изменений в экономике, более того, она означает также, что финансовый и товарный оборот охватил весь мир без исключения, то есть что уже сформировался глобальный рынок. Однако в отношении любого другого аспекта глобализации подобной ясности не найдется. В культуре и коммуникациях, в науке и технологии глобализация сочетает в себе очевидность с неупорядоченностью и трудно поддается понятийному отражению.

В сфере идей и идеологий эта неупорядоченность проявляется наиболее отчётливо и ясно. Существует некоторое взаимопонимание в вопросе существования универсальных ценностей и императивов: эти ценности и соответствующие принципы зафиксированы в международных соглашениях и пригодны для легального применения в потенциально или актуально конфликтных ситуациях. В то же время, после короткого периода так называемой «деидеологизации» все влиятельные идеологии, и в первую очередь глобальные, обнаружили внутренние резервы для нового этапа противостояния, и идеологическое разнообразие в настоящее время возрастает быстрее, чем когда-либо. В этой новой ситуации идеологии должны иметь дело даже не с нынешними проблемами и задачами, а с проблемами завтрашними — это то, чем определяются направления развития, то, что мы понимаем под «вызовами эпохи».

Чтобы определить вызовы глобализации, мы должны установить некоторые ограничения в понимании самой глобализации, по меньшей мере, в контексте идеологии. В условиях прямой конкуренции первейшая и самая настоятельная нужда состоит в том, чтобы сконструировать действительно общий, универсальный дискурс, допускающий возникновение возможности создать содержательные критерии истинности и потенциала идей, возможности приложить к конкурирующим идеям соотносимые качественные оценки. Такая структура позволила бы рассматривать процессы, в частности идеологические, как динамическую систему с генерализованными закономерностями и правилами. Какое бы значение глобализация мы ни имели в виду, существование генерализованной системы и её динамическая природа остаются бесспорными.

До настоящего времени многовековое соревнование идеологий не затрагивало ценностей. Исследуя содержание различных идеологий, мы обнаруживаем в них во всех практически идентичный «набор» ценностей. Что в самом деле создает отличия — это сущностная интерпретация отдельных ценностей и их иерархия. Например, сегодня нет ни одной идеологии, которая не признавала бы ценность справедливости. Но само понятие справедливости может предполагать приоритет национального интереса — в на-

ционализме, автономии личности – в либерализме, уравнивание социальных различий – в социализме и т. д. Излишне констатировать, что иерархическая позиция этой ценности также изменяется от одной системы к другой. Но, в то же время, для каждой идеологии верно, что её внутренняя ценностная система сконструирована и организована непротиворечиво с опорой на собственные аксиоматические основания.

Отсюда следует, что глобализация требует главным образом нового, содержательно-динамического, подхода к обобщению и развитию традиционного многообразия существующих идеологических систем, как в структуре (иерархии), так и в содержании (интерпретации). Отличия идеологий, очевидно, детерминируются различными типами человеческой деятельности, отношений и ориентацией. Это многообразие само по себе, если рассматривать его с позиций человечества как целого, имеет собственную безусловную ценность как главный ресурс развития, как шанс будущего. Следовательно, прогресс не может состоять в уменьшении количества или разнообразия идеологий. Возникающее противоречие между этим многообразием и генерализованным характером наступающей эпохи и представляет собой главное содержание важнейшего всеобъемлющего вызова глобализации. Его можно сформулировать следующим образом: новые формы и смыслы идеологии должны быть открыты и созданы в непосредственной корреляции с сущностью безусловной, универсальной природы, и эта корреляция первична, приоритетна по отношению к корреляции с традицией или идеалами, или идейной конкуренцией. Говоря кратко – идеология должна соотноситься с универсальным. Внутренние ценности и принципы следует сопоставлять не друг с другом, не с соответствующими ценностями других идеологий, в конце концов, не с полезностью и эффективностью, а, прежде всего, с сущностью, предполагающей системную генерализацию.

Связи с явлениями универсального, фундаментально общего характера позволят идеологии найти новые пути решения древней задачи: станет возможным создать апологию вечных ценностей. Потребность в такой апологии тоже является одним из вызовов глобализации, ведь она затрагивает историческую природу ценностей. Каждая из них нуждается в экзистенциальном обосновании своего реального присутствия в человеческой жизни и, значит, в социальных отношениях. Вероятно, для большинства вечных ценностей такое обоснование коренится в самой идее прогрессивного, существование единого, целостного развития. Редкие из них получили образцовые апологии в прошлом: ценность жизни в эпоху Возрождения, ценность истины в эпоху Просвещения, ценность коммуникации в конце XX века и т. д. Поиск экзистенциальных обоснований делает бытие вечных ценностей «реальным» в формирующихся и трансформирующихся социальных явлениях. Предложение таких апологий означает также разработку и совершенствование нового языка идеологии. Традиционные идеологии, в которых представлены три части – теоретические идеи, практические идеи и практическая деятельность, – всегда фокусировались на двух первых, они были в большей мере пониманием чем деятельностью, и их язык обычно помещал человека между «желанием» и «обязанностью». В универсальной динамике идеология должна стать скорее деятельностью, чем пониманием, она нуждается в языке, который вынуждал бы человека производить и сохранять в самом себе импульс движения.

Новое состояние означает еще и то, что идеология должна конкурировать не с другими идеологиями, но с антиидеальными (нежелательными, хаотичными, примитивными и т. п.) аспектами жизни. Поскольку её роль состоит в привнесении духовных оснований в игру материальных интересов, она должна побеждать не в конкуренции, а в социальной реальности. Реализация этих трансформаций совершенно исключена в том случае, если идеология неспособна достичь принципиально нового качества – имеется в виду её способность неdestructивного взаимодействия с внешними, «чужими» идеями и принципами. До тех пор, пока внутренняя структура ценностей и идеалов остается самообоснованной, она весьма уязвима

в случае проникновения в неё частей и даже отдельных идей других идеологий. Включаясь в систему внутренних отношений, сущности чуждого происхождения обычно разрушают структурные связи или нарушают их определённую, вследствие чего вся система ослабевает. В новой же ситуации, задаваемой общечеловеческим масштабом глобализационных процессов, идеология должна достичь такого уровня пластичности и открытости, который позволяет поиск универсального обобщения и, следовательно, генерализованной корреляции с внешними новациями. Включение новых элементов призвано обогащать систему и умножать перспективы дальнейшего развития. Благодаря этому открытая, пластичная идеология должна оказаться более сильной и устойчивой, чем традиционно стабильная.

Для того, чтобы обнаружить и описать идеи, а также явления социальной и политической реальности, отражающие соответствие между требованиями эпохи и имманентным содержанием либеральной идеологии, необходим тщательный анализ исторических достижений (как теоретических, так и практических) либерализма и, кроме того, выяснение его нераскрытого потенциала и основных форм существования в современных западных и постсоциалистических странах. Ключевые вопросы, которые требуют своего решения, это значение победившей идеи социального конструктивизма и содержащегося в ней беспредпосылочного обоснования человеческой свободы; это и проблема эффективности свободы, и проблема иерархизации социальных отношений, и уже очевидная задача совмещения универсального характера гуманистических основ построения общества с уникальностью социального творчества, присущего свободе.

Позиции идеологий в современном мире строятся заново и требуют обращения к внутренним ресурсам развития. Задача собственной идеологии, выстраивание новых смысловых коннотаций являются единственным сколько-нибудь надёжным способом утвердиться в наступающем будущем. Тем не менее, и это очевидный парадокс, в нынешнем либерализме не только не ставится цель эволюции, внутреннего развития, отвечающего вызовам завтрашнего дня, — напротив, декларируется и обосновывается окончательное, предельно развитое состояние идей, их смысловая завершенность, что, например, демонстрирует знаменитая работа Фукуямы «Конец истории, или последний человек». В контексте же исторической экспансии рассматривается исключительно распространение ранее утвердившихся ценностей на новые сферы влияния.

Ещё один парадокс — построение самоосознания через реконструкцию идейных конкурентов. Теоретики либерализма озабочены сегодня тем, чтобы понять, за счёт каких сущностных черт реализует свое влияние социализм и где коренятся его просчёты (например, последние книги Хайека и Дарендорфа). В то же время несомненно, что в основу всего мировоззрения должна быть положена, прежде всего, постоянно возобновляемая, исходя из изменяющейся социальной реальности, реинтерпретация собственных идейно-теоретических оснований.

Соответствие содержания либерализма требованиям времени способно быть источником и фундаментом социального развития. Аргументация в поддержку этого тезиса должна быть выстроена на трёх уровнях: теории ценностей и культурных форм, философии идей и теории политических отношений. На этом основании будет возможно определить основные направления в предстоящем развитии либеральных идей, принципов и социальной позиции либерализма, выделить и очертить фундаментальные связи и соотношения между потребностями общественного прогресса и ожидаемым новым качеством либерализма.

Представители основных идеологических течений, рассматривая изменяющуюся социальную и духовную реальность со своих позиций, ведут себя так, как будто бы весь мир непрерывно трансформируется, и только основания идеологий остаются все теми же, незыблемыми и очевидными. «Для нас тут на Западе не существует вопроса, что такое либерализм», — к этой более чем оптимистической оценке Форлэндера, разумеется, в соответствующем парафразе, присоединились бы духовные лидеры и других

идейно-теоретических систем. Не подлежит сомнению, что развитые формы идеологического сознания призваны сыграть в процессах глобализации значительную и разностороннюю цивилизаторскую, окультуривающую роль. Но для того, чтобы справиться с этой ответственной функцией достойно, они должны возродить самоосознание как свой исходный пласт, преодолеть сформировавшийся в последние годы фактически иррефлексивный характер идеологического сознания.

Сегодня либерализм часто и по разным поводам критикуется, но, несмотря на все свои неудачи, эта идеология отмечена в наибольшей степени внутренним соответствием идеям развития и общественного прогресса. Во взаимодействиях с развивающимися странами она играет также часто цивилизующую и просветительскую роль, значение которой трудно переоценить. Теоретическая оценка перспектив либерализма должна содействовать дальнейшему развитию конкретного содержания многообразных аспектов этой идеологии, сохранению их корреляции. Это позволит обосновать принятие либерализма как идеологического базиса национального развития и интернационального сотрудничества; объяснению и, возможно, послужит предвосхищению новых форм и трансформаций либерализма, а также их социального значения; такая работа будет значима для утверждения иерархии видов социальной и политической деятельности и, следовательно, возможностей влияния на общественный прогресс и глобальные интегративные процессы.

Евладова Н. В. (г. Брест, БГТУ)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФРГ

Конституция ФРГ, выработанная в 1948-1949 годах только для западной Германии, в 1990 году стала основным законом для всей Германии. В основу акта были положены конституционные традиции Германии (Конституция 1871 года, Веймарская конституция 1919 года).

Основной закон (ст. 20, 28) провозгласил ФРГ как правовое, демократическое, социальное федеративное государство. Записи о том, что Германия является правовым государством на прямую нет. Однако сам Основной закон, его положения пропитаны концепцией правового государства. Одним из важных элементов этой концепции является принцип разделения властей. Основной закон Германии базируется на теории разделения властей и в понимании принципа разделения властей. Хотя этот принцип прямо и не упоминается, его трезвенная структура чётко прослеживается в положениях пункта 2 ст. 20: «*Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путём выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия*».

Но что отличает простую запись о разделении властей от его действительного воплощения? Если мы обратимся к теории разделения властей, то ответ можем найти в трудах Монтескье – это система сдержек и противовесов. В противном случае мы будем иметь не разделение властей, а разделение функций одной власти.

Каким образом система балансирования властей отражена в основном законе Федеративной Республики Германии?

В рамках демократического строя Основной закон Германии пытается установить ограничения власти и контроль над ней, создать определенное равновесие. Элементом государственно-правового балансирования власти является контроль над исполнительной властью со стороны суда (ст. 19, п. 4), а именно контроль всех государственных властей путем конституционной подсудности.

Законодательная власть в ФРГ вверена двухпалатному парламенту, палаты которого – Бундестаг и Бундесрат – не имеют равного статуса (как в порядке их формирования, так и в объёме полномочий). Нижняя палата – Бундестаг избирается на четыре года пу-